

политика не должна опираться на фетиши каждой из названных экономических школ.

На мой взгляд, современная экономическая теория (наука) не испытывает никакого кризиса, даже несмотря на то, что имманентно обладает свойствами (фрагментарности, плюрализма, релятивизма), которые привносят отсутствие строгости, нормативную компоненту в это знание.

Выходом для науки мне видится её сосредоточение на решении коренных проблем человеческого общества (наука должна решать конкретные проблемы): энергетического и продовольственного кризиса, климатических изменений, бедности, неравенства и несправедливости, разрушения экосистем и др. Экономическая наука должна создавать и совершенствовать свой инструментарий по трём основным направлениям: теории эффективности, теории развития и теории «передаточного механизма» экономической политики.

Статтю подано до редакції 05.02.14

УДК (330.101+32.01):339.9

П. С. Ещенко, профессор, д-р экон. наук,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко
А. Г. Арсеенко,
ведущий научный сотрудник, канд. ист. наук,
Институт социологии Национальной академии наук Украины

КРАХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ И ГИПОТЕЗЫ БУДУЩЕГО МИРОУСТРОЙСТВА

АНОТАЦІЯ. Стаття присвячується дослідженню ролі економічної теорії і політики в стагнації сучасної світової економіки і пошуку альтернативних моделей економічного розвитку, що ведуть до створення більш гуманного і справедливого суспільства.

КЛЮЧОВІ СЛОВА: економічна теорія, економічна політика, економікс, капіталізм, соціалізм, глобальна фінансово-економічна криза, план, ринок.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящается исследованию роли экономической теории и политики в стагнации современной мировой экономики и поисков альтернативных моделей экономического развития, ведущих к созданию более гуманного и справедливого общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая теория, экономическая политика, экономикс, капитализм, социализм, глобальный финансово-экономический кризис, план, рынок.

ABSTRACT. Article is devoted to the research of a role of economic theory and policy in stagnation of the modern world economy and to the searches of alternative models of economic development, leading to the creation of more humane and fair society.

KEYWORDS: economic theory, economic policy, economics, capitalism, socialism, global financial and economic crisis, plan, market.

На пороге XXI века мировая экономика столкнулась с множеством сложных проблем, вызванных первым в истории человечества глобальным финансово-экономическим кризисом 2008–2009 годов, который основательно потряс всю мировую капиталистическую систему и получил название новой Великой депрессии. Пять лет спустя большая часть глобальной экономики остается в состоянии стагнации, несмотря на введение «режима строгой экономии» (austerity) в большинстве стран. Суть этого режима заключается в перекалывании основной тяжести рецессии на плечи тех, кто меньше всего повинен в ее причинах и следствиях, т.е. на людей труда. Поэтому лечение больной экономики обанкротившимися неолиберальными средствами и методами оказалось для них и для экономики дороже самой болезни.

В этом контексте международный журнал «Social Research» в своем недавнем специальном выпуске «Провалившаяся экономическая теория, но неизменная экономическая политика» недавно отмечал: «Теперь, находясь далеко от восстановления экономического роста, мы знаем, что сокращение правительственных расходов на образование, социальное благосостояние, пенсионное обеспечение, здравоохранение, инфраструктуру и многие другие программы ускорило экономический спад и обусловило медленное неадекватное восстановление экономики. Но режим строгой экономии, движимый противоречивой экономической теорией и специфической политикой, остается в центре экономической политики, результатом чего являются неадекватный экономический рост, миллионы потерянных рабочих мест, несмотря на то, что граждане вызывают к правительственной помощи и многие экономисты приводят доводы в пользу увеличения общественных расходов и инвестирования с целью стимулирования роста» [1, р. XXV].

Невмешательство неолиберального государства в экономику, вернее его вмешательство в интересах богатых, привело к уменьшению доли доходов нижних 95 % населения США с 79 % в национальном личном доходе в 1980 г. до 74 % в 1989 г. и до 66 % в 2007 г. [2]. Вопреки мифам о том, что в США лучшим

считается правительство, которое меньше правит, факты говорят о другом. Проведенный международной социологической службой CNN/ORC 5 февраля 2014 года опрос показал, что почти 7 из 10 американцев согласны с мнением о том, что правительство США должно принять меры к сужению пропасти в доходах между богатыми и бедными [3].

Вместе с крахом экономики в мире капитала потерпела сокрушительное фиаско и западная неолиберальная экономическая теория, что, казалось бы, должно повлечь за собой отказ от этой «мрачной науки», как ее зачастую называют в университетских кругах. Однако ничего подобного ни в США, ни в Великобритании, бывших пионерами в насаждении неолиберализма, ни в других западных странах не произошло. Почему? Ответ на этот вопрос дает американский экономист Дин Бейкер, который пишет: «В течение последних трех десятилетий правые были заняты реструктурированием рынков таким образом, чтобы они перераспределяли доходы вверх. В результате появилось чудовищное увеличение неравенства, поскольку самый богатый один процент населения получил большинство выгод от экономического роста в этот период» [4, р. 374]. Яркое представление о масштабах этого неравенства дает новейшая информация о том, что 85 самых богатых людей на нашей планете владеют сегодня таким же богатством, как 3,5 млрд землян [5].

В последнее время в научной среде растет признание неадекватности ортодоксальной экономической теории вызовам нашего времени, что реальные проблемы нынешней экономики лежат в утверждении стандартной экономической теории о том, что нерегулируемые рынки якобы ведут к идеальным социальным результатам. Однако альтернативные модели развития все еще не встречают поддержки в университетских и деловых кругах, в коридорах власти и средствах массовой информации [6, р. 653]. И тем не менее, конкурирующие точки зрения занимают все более важное место в экономическом дискурсе, в т.ч. в постсоветском пространстве.

Суть наиболее остро происходящей сегодня дискуссии — поиск (в теории и на практике) новой социально-экономической модели развития общества. Одна из составляющих формирования нового облика общества сводится к тому, чтобы объектом экономики стал человек, а не прибыль. Ясно и то, что переход к подобной модели возможен на базе новой парадигмы, т. е. смены теоретических взглядов на законы развития общества, в т.ч. экономики.

Парадигмы, используемые в хозяйственной практике последние 40 лет, не позволяют раскрыть сущностные характеристики и движущие механизмы мировой экономики, как и соотношение сил ведущих экономических центров. Более того, они направлены не на обновление моделей экономического развития, а на их консервацию с утвердившимися отношениями собственности и характером присвоения.

В поисках выхода из современного кризиса многие представители западной «экономикс» возлагают большие надежды на государственный капитализм. Некоторые ученые в странах СНГ считают, что преодолеть кризисные процессы в современном обществе, обеспечить рост экономики и гарантировать повышение народного благосостояния и гармонизацию социальных отношений в обществе можно путем внедрения планово-рыночной модели, используя кейнсианскую теорию. По нашему мнению, теория Кейнса пригодна для развитой, богатой и монополизированной экономики, но кейнсианство имеет весьма ограниченный ареал эффективного применения в бедных странах, скажем, в Сомали. К тому же эта концепция построена как теория финансового капитала и является одной из тех, что дала мощный толчок росту фиктивного капитала, того «финансового пузыря», который ныне висит над всей мировой экономикой.

Попытки вернуть в нынешнюю хозяйственную практику кейнсианскую модель «стимулирования спроса» поддерживают далеко не все специалисты. Действуя многие годы, она позволяла западной экономике развиваться расширенным образом, т.к. была построена на принципе увеличения спроса за счёт роста долга. В ее рамках домохозяйства и корпорации занимали и тратили средства. Государства делали то же самое, увеличивая социальные расходы. Однако эта модель уменьшала совокупный спрос, потому что возвращать приходилось не только занятые деньги, но и проценты.

Дж. Арриги считает, что данная модель к концу 1970-х гг. исчерпала потенциал роста и мировая экономика вошла в кризис «сверхнакопления», которое происходит потому, что в результате бурного экономического роста (в 1950-1960-х) образуется такой переизбыток капитала, стремящийся быть инвестированным по имеющимся каналам торговли и производства, что конкуренция владельцев этого капитала приводит к постоянному падению нормы прибыли, т.е. делает это производство нерентабельным [7].

В подобной ситуации субъекты хозяйственной деятельности вынуждены сокращать объемы производства, т.к. дальнейшее

снижение цен в условиях конкуренции ведет к банкротству. Возникающие излишки накопленного капитала переливаются из реальной экономики в финансовую сферу, что воспроизводит финансовую экспансию. В итоге усиливается бифуркация между гиперактивной финансовой экономикой и стагнирующей реальной экономикой, что ведет в конечном итоге к взрыву финансовой экономики.

Навязанная миру модель неолиберальной экономики в разных формах стала детонатором в уничтожении реальной экономики. Цель финансовой олигархии — в получении не базового актива, а прибыли от изменения цен. Такой капитал воспроизводит новую экономику — *bubbleeconomics*. Последняя пронизана антагонизмом между производителями, продавцами и потребителями товаров и услуг, ибо главным мотивом в такой социально-экономической системе является не удовлетворение потребностей человека, а прибыль, а главным мотивом потребления сверх основных потребностей зачастую служит удовлетворение искусственно стимулируемых желаний. Это загоняет людей в ловушку неудовлетворенных фальшивых желаний. Необходимо качественное изменение моделей мирового развития, что возможно лишь на основе преодоления рыночного романтизма и фундаментализма и обоснования новой парадигмы экономической науки.

Также следует учесть, что интенсификация производственного процесса, осуществляемая под воздействием развития НТР, глобализации, погони за прибылью, оказывает разрушительные действия человека на природу. Это проявляется в углублении дефицита ресурсов. Сопоставление цифр роста населения Земли и добычи ключевых видов минерального сырья является тому подтверждением. К примеру, если с 1950 по 2011 г. число землян выросло с 2,5 до 7 млрд чел., то есть в 2,8 раза, то добыча нефти за тот же период увеличилась в 8,4 раза (с 522 до примерно 4400 млн т), природного газа — в 21 раз (со 190 до почти 4000 млрд куб. м), и т.д. [8, с. 10]. Это несет угрозу планете и всему человечеству. Понятно, что реальность предполагает планомерное, сознательное использование ресурсов природы. Значит, сама природа, ее ресурсы и их ограниченность обуславливают необходимость перехода к другой цивилизации, которая бы способствовала использованию внеземных ресурсов, а значит, широкого прорыва в космос.

Такие объективные процессы сопровождаются мировым разделением труда, все большей взаимозависимостью стран и народов и, следовательно, ведут человечество к объединению в еди-

ное целое. Общественный характер производства требует адекватной формы собственности на средства производства. Объединившись, народы смогут рационально использовать ресурсы, устранить угрозу войны, перейти к иным способам распределения, направить усилия на образование, здоровье, гармоничное развитие личности.

Конечная задача любой науки — дать некую программу действий. Для общественной науки — это программа развития общества. Мы сегодня имеем огромный научный критический материал по противоречиям современного капиталистического общества. Прежде всего, критику финансового капитала и критику общества в целом, подвластного господству транснациональных монополий. Эта критика идет со всех сторон, но редко охватывает проблему в целом (хотя можно указать (из немарксистов) на работы Тинбергена, Гэлбрейта, Хейлброннера, Белла, Стиглица, Перру и многих других).

Но все дело в том, что нет моделей нового общества, которое могло бы прийти на смену «транскапитализму». Вместе с тем возрастающее внимание все большего числа исследователей трансформационных преобразований общества обращается на то, что во всех развитых странах нерегулируемые рынки ушли в прошлое. Ими же обосновывается необходимость перехода от капиталистического к посткапиталистическому обществу.

Особенно актуальными сегодня являются размышления выдающегося экономиста и социолога Й. Шумпетера, который научно обосновывает объективную необходимость социалистического переустройства общества. В лекции «Движение к социализму», прочитанной членам Американской экономической ассоциации в Нью-Йорке 30 декабря 1939 г. он полагал, что капиталистический порядок имеет тенденции к саморазрушению, а централистский социализм является его вероятным наследником [9, с. 828]. Социалистические преобразования Й. Шумпетер понимал не по К. Марксу. «Отмирания государства» не произойдет. Я определяю [централистский] социализм как такую организацию общества, указывал Шумпетер, в которой средства производства контролируются, а решения о том, как и что производить и кто и что должен получить, принимаются органами власти, а не частными (по собственности и контролю) фирмами. Поэтому говоря о «движении к социализму», он имел в виду перемещение экономической деятельности людей из частной в общественную сферу [9, с. 825]. Вместе с тем Шумпетер акцентировал внимание на том, что социализм не исключает децентрализованного приня-

тия административных решений — также как централизованное управление армией не исключает инициативу командиров подразделений. Социализм, подчеркивал ученый, не обязательно, т.е. не с логической необходимостью, исключает конкурентный механизм [9, с. 826].

Заслуживает внимания теоретическая позиция видного современного философа Терри Иглтона. Глубоко анализируя работы Маркса, опираясь на точное цитирование и современную реальность, разрушая мифы и идеологемы, порожденные как капиталистическим, так и социалистическим ответом на вопрос: «Что делать дальше?», ученый приходит к следующим выводам. Новое общество следует строить с учетом конкретного настоящего. «При всей своей вариативности предстоящее нам будущее исходит из данного конкретного настоящего. А большая часть настоящего создана в прошлом. Чтобы кроить по своему вкусу будущее, у нас нет ничего, кроме весьма скудного набора несовершенных орудий, дошедших до нас из прошлого. Да и эти орудия достались нам не с иголочки, а весьма и весьма потрепанными» [10, с. 105]. Таким новым обществом, по мнению Иглтона, является социализм, представляющий собой в определенных отношениях решительный разрыв с настоящим. История в ряде существенных аспектов рушится и переделывается заново, но не потому, что социалисты, будучи кровожадными чудовищами, предпочитают революцию реформам, а из-за глубины заболевания, которое необходимо излечить. [10, с. 107]. Обращает на себя внимание и то, по мнению ученого, что описывать будущее следует только с помощью терминов, происходящих из прошлого или настоящего, тогда как будущему, радикально порывающему с настоящим, явно будет тесно в рамках нашего нынешнего языка. [10, с. 108].

Описывая положение дел в капиталистическом обществе, Иглтон отнюдь не считает его способствующим общественному развитию. Тот факт, что капитализм рассматривает производство как потенциально безграничное, не только не способствует социальному прогрессу, но в немалой мере тормозит его. «Развитие не должно ставить под угрозу человеческое достоинство и благополучие. Это капитализм рассматривает производство как потенциально безграничное, тогда как социализм обуславливает его моральными и эстетическими ценностями. Или, как определяет сам Маркс в первом томе «Капитала», придает ему форму, «соответствующую полному развитию человека». [10, с. 290]. Иглтон выступает против иррационального производства и потребления,

необходимости поворота экономики, которая служила бы человеку с его высокими духовными ценностями.

Игглтон критикует превратное понимание «равенства» при социализме, о котором пишут адепты капитализма. «Равенство при социализме не означает, что все мы станем полностью одинаковыми; абсурдно предполагать, что такое вообще когда-либо было (это все равно как если бы Маркс взялся утверждать, что он получил лучшее воспитание, чем герцог Веллингтон). Не означает оно и того, что каждый будет получать в точности одинаковый объем богатства и ресурсов. Подлинное равенство означает не равномерное обеспечение всех, но равную заботу об удовлетворении разных потребностей каждого. Именно такую форму общества предвидел Маркс.... Для Маркса каждый человек должен иметь равное право на самореализацию и на активное участие в формировании условий общественной жизни. Тем самым барьеры неравенства будут разрушены, но главным результатом этого станет обеспечение каждому человеку возможности максимально полно развернуть свой потенциал как уникальной личности, которыми мы все и являемся. В конечном счете для Маркса равенство существует ради различий. Социализм не имеет ничего общего с желанием одеть всех в одинаковые комбинезоны, зато потребительский капитализм действительно не прочь нарядить своих граждан в униформу, известную как спортивный или тренировочный костюм» [10, с. 143–144].

Обществоведы, критикуя теории т.н. буржуазного либерализма и реального социализма, являющиеся отображением двух сторон индустриального общества, также выдвигают немало гипотез будущего мироустройства. Так, российские исследователи Б.Н. Кузык и Ю.В. Яковец обосновывают, что эпохальной инновацией первой половины XXI ст. будут предсказания П. Сорокина и состоится переход к интегральному социокультурному устройству [11, с. 39–40].

Гипотезу об интегральной постиндустриальной экономике Ю.В. Яковец развивает, исходя из подхода Э. Тоффлера к будущему рынку, состоящего в том, что к концу XX в. исторический процесс построения рынка завершен и что «третья волна» создает первую в истории «трансерыночную» цивилизацию. Под словом «трансерыночная» он понимает цивилизацию, способную поставить на повестку дня новые задачи, так как рынок уже построен [12, с. 262.]. Получит развитие «производство для себя», что «ведет к демократизации хотя бы некоторых видов деятельности, тем самым изменяя роль рынка в жизни общества... Возникнове-

ние «производства для себя» указывает на необходимость экономики, которая не будет походить на экономики первой или второй волн. Но в новом историческом синтезе сплавит воедино характеристики обеих» [12, с. 262]. Это дает основание Ю.В. Яковцу сделать вывод, что в данном случае «...речь идет об интегральной постиндустриальной экономике. В постиндустриальной, интегральной цивилизации будет возвышена роль *солидарной экономики*. Под ней я понимаю «производство для себя», свободное как от рыночных категорий и механизмов, конкурентной борьбы, так и от диктата государства и бюрократического произвола чиновников. Сущность солидарной экономики сводится к коллективному саморегулированию процессов воспроизводства группой взаимозависимых лиц для удовлетворения собственных потребностей и интересов и обеспечения на этой основе наиболее эффективного использования ресурсов» [12, с. 262–263]. Он считает, что тенденции «производства для себя» будут нарастать, повысится доля и значимость солидарной экономики, которая, однако, не заменит рынок, а будет дополнять его, обеспечивая важные сферы жизнедеятельности людей и семейной экономики.

В.И. Кушлин указывает, что социалистические и коммунистические принципы сами по себе как фундаментальные ценности, которые привлекают многих людей, не могут быть просто уничтоженными какой-то идеологией [13, с. 59]. Вместе с тем автор пишет, что однозначного ответа на вопрос, какая модель экономического и политического устройства будет приемлемой для всего мирового сообщества, вряд ли сейчас можно найти. Но то, что эта модель не будет в обозримой перспективе чисто капиталистической в западном варианте, уже осознается как истина объективно мыслящими исследователями. Поиски ответов относительно согласования мотиваций рыночного индивидуализма и социалистического капитализма, по мнению В. И. Кушлина, обязательно будут продолжаться [13, с. 60].

Выход из критического существования мировой экономики, обусловленного перепроизводством, многие специалисты видят, во-первых, в запуске новых рынков, генерируемых «экономикой инноваций» и, во-вторых, в уничтожении созданных благ. Лучшее всего последнее осуществляется войной. Логика понятна — через разрушение к росту, как понятна и пагубность войны. В этой связи выдвигается *доктрина самоуничтожающейся экономики*. Элементы этой доктрины, по мнению Е. Балацкого [14, с. 293–305], уже сегодня внедряются в Китае. Поскольку мир вступает в

режим истощения планетарных ресурсов, необходим переход к глобально регулируемой экономике. В такой экономике производство новых товаров идет с параллельным уничтожением старых материальных ценностей. В этом случае в системе не происходит деструктивного накопления производимой продукции; оно преобразуется в форму перманентного замещения и обновления товаров [14, с. 293].

Китай выступает примером рождения новой экономики, что проявляется в ликвидации института недвижимости, в регламентации жизненного цикла автомобилей и нормирования срока захоронения умерших людей. Механизм осуществления подобной модели экономики предполагает ряд условий. В Китае отсутствует частная собственность на землю, но ее можно арендовать под постройку жилья лишь на 70 лет. Каждый гражданин, живя в арендованной квартире, по сути, не может ее передать по наследству детям и тем более внукам на всю жизнь. Наследники должны думать о приобретении своего жилища. Следовательно, подобный общественный норматив недвижимости страны заставит ее население проявлять высокую экономическую активность. То же относится и к автомобилям, срок утилизации которых составляет 10 лет после их производства, а для автомобилей иностранного производства — 15 лет. Нормируются и сроки захоронения для состоятельных людей — 20 лет. После истечения указанного срока могила «обновляется» для очередного клиента. А вообще-то в китайских городах умершие подвергаются кремации. Таким образом, по мнению Е. Балацкого, Китай уже уверенно идет по пути глобального нормирования потребления, что способствует непрерывному обновлению и «развороту» страны во времени — из прошлого в будущее [14, с. 297]. Вместе с тем, автор задается вопросом: «Самоуничтожающая экономика — это панацея?». И сам же дает ответ: «Принцип построения самоуничтожающейся экономики является ключом против кризисов, но не дает автоматического решения этой вечной проблемы» [14, с. 304].

Критики государственного социализма и существующего капитализма выдвигают некоторые альтернативные модели. Среди них есть такие, которые «...не могут не быть «утопическими», поскольку они всерьез пытаются воплотить в жизнь основные ценности традиционных освободительных проектов социальных перемен: радикальное равенство, демократию, товарищеские сообщества, самореализацию каждого, свободу. В то же время они считают, что эти модели должны быть «реальными», ибо то, что предвидится, — не фантазии и не просто моральные конструк-

ции, а практически возможные институциональные планы, способные внести вклад в подлинный прогресс человечества» [15, с. 33]. В свете этих идей авторы предлагают рассмотреть детали одной реальной утопии, которой, по их мнению, является безусловный всеобщий гарантированный базовый доход (грант). Суть его состоит в следующем. Каждому гражданину выплачивается ежемесячно прожиточная сумма, достаточная, чтобы жить на уровне культурно детерминированного достойного жизненного стандарта, скажем, 125 % от «уровня бедности». Выплата не обусловлена выполнением какой-либо работы или иной формы вклада (в жизнь общества) и является всеобщим — его получает каждый, как права гражданина. Выплаты получает индивид, не семья. Родители становятся опекунами грантов малолетних детей [15, с. 33]. Достоинства всеобщего базового дохода авторы видят в том, что он позволит: значительно снизить один из главных аспектов капиталистического принуждения; создать больше равенства на рынках труда; в массовом порядке устранить бедность; оценивать ряд нетоварных общественно — полезных видов деятельности, которые рынок оценивает плохо, особенно внутрисемейные виды услуг, а также сходные виды труда в более широких общностях [15, с. 34–35]. Возникает вопрос: «Стоит ли трудиться, если максимальный устойчивый грант на 25 % выше черты бедности?». Лучше ничего не делая, наслаждаться жизнью. В таком обществе не будет стимулов к труду. Следовательно, всеобщий базовый доход не создаст реального равенства и не устранил эксплуатации.

С нашей точки зрения базовый доход в современном государстве должен быть в объеме, удовлетворяющем научно обоснованный набор социально-экономических благ, обеспечивающих рациональное потребление. То есть в разных странах в зависимости от уровня их развития, исторических, культурных и др. особенностей следует ввести базовый стандарт, включающий важнейшие компоненты условий жизни: питание, одежду, жилищную обеспеченность, основные предметы длительного пользования, услуги здравоохранения и образования. При этом подобный базовый стандарт должен обеспечиваться как за счет трудовых доходов, так и за счет социальной ренты, полученной от использования земельных и других ресурсов, которые должны принадлежать всем и каждому, то есть находящимися в общественной собственности. Подобные примеры есть. Использование природных ресурсов в интересах всего населения и не только нынешнего, но и последующих поколений характерно для экономической

политики Норвегии. Доходы от нефти и газа Северного моря, которые достигли 609 млрд евро при населении страны чуть более 5 млн чел. [16], используются для решения экономических проблем, связанных со старением населения, а также с инвестированием в человека, от его рождения до самой смерти, включая такие аспекты, как дошкольное образование, доступность здравоохранения и образования на протяжении всей карьеры человека.

Сегодня у ученых, политических деятелей разных стран все больше формируется мысль, в соответствии с которой постиндустриальная цивилизация, глобализация в современном виде несет с собой огромную социальную дифференциацию, аморальность и духовный кризис. Разногласия между странами «золотого миллиарда» и слаборазвитыми будут и возрастать, и обостряться. Изменить состояние дел возможно путем использования рецепта, считает Д. Львов, построения перспективной экономической политики и финансовой системы, если она будет основана на началах морального возрождения общества [17, с. 24].

Многие исследователи считают, что путь к будущему обществу, которое по-разному называют: «социалистическим или коммунистическим», «постиндустриальным», «знания», «всеобщего благоденствия» и т. п. должен пролегать через смешанную, социально-ориентированную экономику, включающую рыночные и плановые факторы ее регулирования, нацеленную на сочетание интересов всех субъектов общества, а не их подчинение.

В целом же можно сделать вывод, что мировое сообщество находится в состоянии поиска пути перехода к плановой саморегулируемой экономической системе. При этом новая парадигма развития экономики должна идти вместе с разработкой новой парадигмы развития общества.

Литература

1. *Ghilarducci T., McGahey R.* Guest Editors' Introduction / Teresa Ghilarducci and Richard McGahey // *Social Research: An International Quarterly*. — Fall 2013.

2. The Economics of Middle Class Collapse [Electronic Resource] // Too Much online — February 10, 2014 — Mode of access: <http://www.toomuchonline.org/tmweekly.html>

3. Poll: Majority of Americans want government to reduce income gap [Electronic Resource] — Mode of access: <http://politicalticker.blogs.cnn.com/2014/02/05/poll-majority-of-americans-want-government-to-reduce-income-gap/>

4. *Baker D.* Getting Radical with Markets / Dean Baker // Review of Radical Political Economics — Summer 2012.

5. United Nations warns over gross inequality as handful of super rich own as much wealth as billions of poor [Electronic Resource] // The Financial Express — February 11, 2014 — Mode of access: <http://www.financialexpress.com/news/united-nations-warns-over-gross-inequality-as-handful-of-super-rich-own-as-much-wealth-as-billions-of-poor/1223966>

6. *Shaikh A.* Crisis, Austerity, and the Role of Economic Theory in Policy / Anvar Shaikh // Social Research: An International Quarterly. — Fall 2013.

7. Конец вечности [Электронный ресурс] 06. 04. 2012 — Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/commentaries/vprint/683663/>

8. *Фетуни Л.* Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития / Л. Фетуни, И. Абрамова // МЭМО. — 2012. — № 7.

9. *Шумпетер Й. А.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А.Шумпетер; [предисл. В. С. Автономова; пер. с нем. В.С. Автономова, М.С. Любского, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ. В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Л.А. Громовой, К.Б. Козловой, Е.И. Николаенко, И. М. Осадчей, И.С. Семененко, Э.Г. Соловьева]. — М.: Эксмо, 2008. — 864 с.

10. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав / Терри Иглтон / Пер. с англ. П. Норвилло. — М.: Карьера Пресс, 2012. — 304 с.

11. *Кузык Б.Н.* Россия — 2050: стратегия инновационного прорыва / Б.Н. Кузык, Ю.В. Яковец. — 2-е изд., доп. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. — 624 с.

12. *Яковец Ю. В.* Глобальные экономические трансформации XXI века/ Ю. В. Яковец. — М.: Экономика, 2011. — 382 с.

13. *Кушлин В.И.* Траектории экономических трансформаций / В.И. Кушлин. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004. — 310 с.

14. *Балацкий Е.* Китайская модель экономического будущего: развитие через перманентное саморазрушение / Евгений Балацкий. // Общество и экономика. — 2011. — №8–9.

15. *Буравой М.* Социологический марксизм: ч. 2 / М. Буравой, Э.О. Райт // Социс. — 2010, март.

16. Каждый норвежец — миллионер [Электронный ресурс] 17.01.2014
Режим доступа: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/86988/>

17. *Львов Д.* Нравственная экономика / Д. Львов // Свободная мысль. — 2004. — № 9.